

РАЗГРОМНЫЙ АВГУСТ 1948 ГОДА: КАК ВЛАСТЬ БОРОЛАСЬ С БИОЛОГИЕЙ

*Э.И. Колчинский,
А.И. Ермолаев
Санкт-Петербургский филиал
Института истории естествознания и техники РАН*

Аннотация: 70 лет тому назад состоялась Августовская сессия ВАСХНИЛ, с которой обычно связывают попытку покончить с генетикой в СССР. Но ее значение шире. Практически это был переломный момент не только для всей советской биологии, и но в отношении всего научного сообщества с властью. По опробованному в августе 1948 г. сценарию вскоре в СССР был произведен разгром физиологии, цитологии, вирусологии и других наук. Сессия была срежиссирована И.В. Сталиным и обозначила курс СССР на особый путь развития национальной науки и ее сепарацию от мирового сообщества ученых. Ставилась цель взять под полный идеолого-политический контроль сам исследовательский процесс, превратить ученых в бесправных исполнителей малограмотных предписаний властей в собственной сфере знаний, подчинить сиюминутным политическим интересам цель и стратегию научного поиска. Ради этого из научно-исследовательских институтов и высшей школы было изгнано огромное количество ученых, подсчитать которых до сих пор не удастся. Для получения точных данных необходимо открыть архивы (прежде всего личные дела ученых). Без этого можно лишь приблизительно и фрагментарно представить себе объем ущерба, нанесенного отечественной биологии.

Ключевые слова: история биологии, ВАСХНИЛ, Августовская сессия 1948 г., мичуринская биология, Т.Д. Лысенко, лысенковщина, неолысенкоизм.

70 лет назад, в здании Министерства сельского хозяйства СССР состоялась конференция, на которой был объявлен запрет на все биологические исследования в СССР, так или иначе противоречащие «мичуринской биологии». Это прежде всего имело катастрофические последствия для советской генетической школы, в 1920–1930 гг. добившейся многочисленных успехов и уважаемой во всем мире. Конференция была очередной сессией Всесоюзной Сельскохозяйственной Академии имени Ленина (сокращенно — ВАСХНИЛ) и проходила с 31 июля по 7 августа 1948 г. Она вошла в историю как «августовская сессия ВАСХНИЛ» (по номеру ее никто и никогда не называет) и стала самой черной страницей в истории отечественной биологии. Цель данной статьи попытаться оценить ближайшие последствия Авгу-

стовской сессии ВАСХНИЛ для развития отечественной биологии. Но вначале напомним ее предысторию.

Августовская сессия ВАСХНИЛ и ее предыстория

Главный ее «героем» стал украинский селекционер, «народный академик» (как он сам себя предпочитал называть) Трофим Денисович Лысенко (1898–1976), который с 1935 г. вел ожесточенную борьбу за власть в селекции, семеноводстве и генетике. В условиях «Большого террора» его обвинения во вредительстве в адрес представителей академическо-университетской науки, за «социалистическую генетику» и против «буржуазного менделизма-вейсманнизма-морганнизма» импонировали Сталину. Будучи генеральным секретарем ВКП(б) и фактически неограниченным руководителем государства, Сталин поддержал созданную Лысенко «мичуринскую биологию» как принципиальное новое и прогрессивное направление в биологии, построенное на марксистско-ленинской философии и нацеленное на ускоренное развитие сельского хозяйства путем внедрения якобы чудодейственных «агроприемов».

Соавтором в ее создании и политическом оформлении стал философ-эволюционист Исая Израилевич Презент (1902–1969), еще со времен «культурной революции» претендовавший на роль лидера советской биологии. Новое направление назвали «мичуринским» по имени известного селекционера-самоучки Ивана Владимировича Мичурина (1855–1935), создателя широко рекламируемых гибридных сортов плодовых деревьев [Соколова 2014; Гончаров, Савельев 2015]. Сам Мичурин никогда не применял генетических методов в своей работе, однако был далек от того, чтобы бороться с быстро прогрессирующей наукой. Он просто констатировал тот факт, что картина расщепления при скрещивании плодовых деревьев получается настолько сложной, что увидеть какие-либо закономерности «в духе Менделя» не удастся. Это объясняется на самом деле очень просто — высокой исходной гетерозиготностью сортов плодовых и возможностью сохранения у них нужной комбинации генов только при вегетативном размножении. Ни Лысенко, ни Презент никакого отношения к Мичурину не имели. Более того, сотрудничая в течение долго времени с Н.И. Вавиловым, сам Мичурин относился к будущим «мичуринцам» сугубо отрицательно [Резник 2017: 698–699]. Тем не менее, воспользовавшись его именем после кончины популярного садовода и селекционера они начали под этим знаменем политическую борьбу со сторонниками классической генетики и научной селекции, положив начало лысенковщине как способу уничтожения оппонентов при помощи властей¹. Лысенко и Презент отвергали не только закономерности, установленные генетиками-менделистами, но и само наличие каких-либо материальных структур, определяющих наследственность. Как следствие, полностью признавалось наследование приобретенных в онтогенезе признаков, а причиной появления этих признаков называлось стремление организма соответствовать условиям среды. Поэтому Лысенко полностью отвергал большинство методов селекции, основанной на принципах менделизма и хромосомной теории наследственности, а взамен рекламировал свои методы, которые якобы позволяют в кратчайшие сроки добиться повышения урожайности и выведения новых сортов зерновых в два-три года.

Первая широкомасштабная дискуссия между генетиками и «мичуринцами» состоялась на четвертой сессии ВАСХНИЛ² в декабре 1936 года. Позиции генетики отстаивали в своих

¹ Далее мы придерживаемся предложенного ранее разделения «лысенкоизм» и «лысенковщина» [Kolchinsky 2017], подразумевая под *лысенкоизмом* совокупность идей, концептов и методов сторонников Лысенко (агробиология, мичуринская биология, советский творческий дарвинизм и т. д.). Термин *лысенковщина* в нашем понимании обозначает практику борьбы с научными оппонентами, сложившуюся в то время.

² ВАСХНИЛ была основана в 1929 г. по инициативе Н.И. Вавилова, который и стал ее первым президентом.

докладах Н.И. Вавилов, Н.К. Кольцов, А.С. Серебровский и Г. Мёллер³. Их противник Т.Д. Лысенко в своем докладе обвинял генетиков в нематериалистическом подходе, подверг резкой критике закон гомологических рядов Н.И. Вавилова и его теорию центров происхождения культурных растений. Основным тезисом его доклада было положение о «*переделке путем воспитания природы самих требований растений к условиям внешней среды*» [Лысенко 1937: 58–59].

Вторая крупная дискуссия прошла с 7 по 14 декабря 1939 г. в редакции журнала «Под знаменем марксизма». Лысенко, который с 1938 г. занял пост президента ВАСХНИЛ, и его единомышленники повели более решительное наступление на генетику и селекцию. Выражения стали куда резче, а демагогические выступления Лысенко куда злее. Чего стоит хотя бы его характеристика менделизма-морганизма как «*хлама, лжи в науке*» [Лысенко 1939: 160]. На совещании раздавались голоса о запрещении преподавания современной генетики в средних школах и вузах.

После дискуссий 1930-х гг. установилось чрезвычайно неустойчивое равновесие между сторонниками двух несовместимых направлений в советской биологии. Не приходится говорить о «научной победе» лысенковщины, но на административно-хозяйственном фронте Лысенко безусловно взял верх. В годы «большого террора» обезглавлен оказался ВИР и кафедра генетики растений ЛГУ после ареста Н.И. Вавилова, Г.Д. Карпеченко, Г.А. Левитского и других сотрудников, Н.К. Кольцов был снят с руководства Институтом экспериментальной биологии (Москва) и умер в 1940 году. Был разогнан занимавшийся чрезвычайно перспективными исследованиями медико-генетический институт в Москве, а его руководитель С.Г. Левит был арестован и расстрелян. Институт генетики АН СССР, созданный Вавиловым, возглавил сам Лысенко.

Шестой Международный генетический конгресс, который должен был собраться в Москве в августе 1937 года, был перенесен в Эдинбург (Великобритания), и состоялся лишь в 1939 году. Советской делегации на нем не было. Генетиков туда не пустили, а «мичуринцы» и сами знали, что им там нечего делать, только позориться. Не было никого из советских ученых и на следующем Международном генетическом конгрессе, состоявшемся в Стокгольме в 1948 г. буквально за месяц до Августовской сессии ВАСХНИЛ. Президент конгресса Г. Мёллер в своей вступительной речи обозначил борьбу с лысенкоизмом как главную задачу мирового сообщества генетиков [Bengtsson, Tunlid 2010].

Непосредственные предпосылки Августовской сессии ВАСХНИЛ исследованы в большом количестве публикаций [Александров 1992; Россиянов 1993; Левина 1995; Krementsov 1997, Сойфер 2002; и т. д.]. Она открылась 31 июля 1948 г. докладом Лысенко «О положении в биологической науке». Начал он с того, что подверг ревизии дарвиновскую теорию эволюции. Далее Лысенко перешел к разбору «ошибочных установок», лежащих в основе менделизма-морганизма. Слово «критика» здесь вряд ли уместно, огонь велся на уничтожение из всех орудий: «*Менделизм-морганизм наделяет постулированное „наследственное вещество“ неопределенным характером изменчивости. Мутации, т. е. изменения „наследственного вещества“, якобы не имеют определенного направления. Это утверждение менделистов-морганистов логически связано с основой основ менделизма-морганизма, с положением о независимости наследственного вещества от живого тела и его условий жизни.*

Провозглашая „неопределенность“ наследственных изменений, так называемых „мутаций“, менделисты-морганисты мыслят наследственные изменения принципиально не-

³ Знаменитый американский генетик Герман Мёллер, будущий Нобелевский лауреат, в это время работал в Институте генетики АН СССР (Москва).

предсказуемыми. Это своеобразная концепция непознаваемости, имя ей — идеализм в биологии» [О положении... 1948: 20].

Лысенко утверждал, что наследственность зависит исключительно от условий жизни, прежде всего — от поглощаемой организмом пищи, и полностью отвергал существование генов и вообще каких бы то ни было структур, ответственных за наследственность: «Наследственность есть эффект концентрирования воздействий условий внешней среды, ассимилированных организмами в ряде предшествующих поколений» [Там же: 33].

Практические выводы из этой теории были следующими: «зоотехническая наука <...> должна строить свою работу согласно принципу: по условиям кормления, содержания и климата подбирать и совершенствовать породы и, одновременно, неразрывно с этим, соответственно породам создавать условия кормления и содержания» [Там же: 35].

Излагаю свою теорию, Лысенко несколько раз повторяет, что «Менделизм-морганизм (хромосомная теория наследственности) в разных вариациях до сих пор преподается еще во всех биологических и агрономических вузах, а преподавание мичуринской генетики по существу совершенно не введено. Часто и в высших официальных научных кругах биологов последователи Мичурина и Вильямса оказывались в меньшинстве» [Там же: 24]. Вывод присутствующим предлагалось сделать самим. В докладе были обозначены и основные враги мичуринской биологии в СССР: один из создателей современной эволюционной теории И.И. Шмальгаузен (1884–1963), генетики А.Р. Жебрак (1901–1995) и Н.П. Дубинин (1906–1998), ботаник П.М. Жуковский (1878–1975), Ю.И. Полянский (1904–1993), которые в послевоенные годы особенно резко критиковали Т.Д. Лысенко и И.И. Презента, приступивших к тому времени и к полной ревизии учения Ч. Дарвина и отрицавших даже внутривидовую конкуренцию. Из умерших критиковался только Н.К. Кольцов (1872–1940) (см. табл. ниже).

Таблица 1.

**Количество упоминаний биологов в собственном докладе Т.Д. Лысенко
и всего за время Августовской сессии**

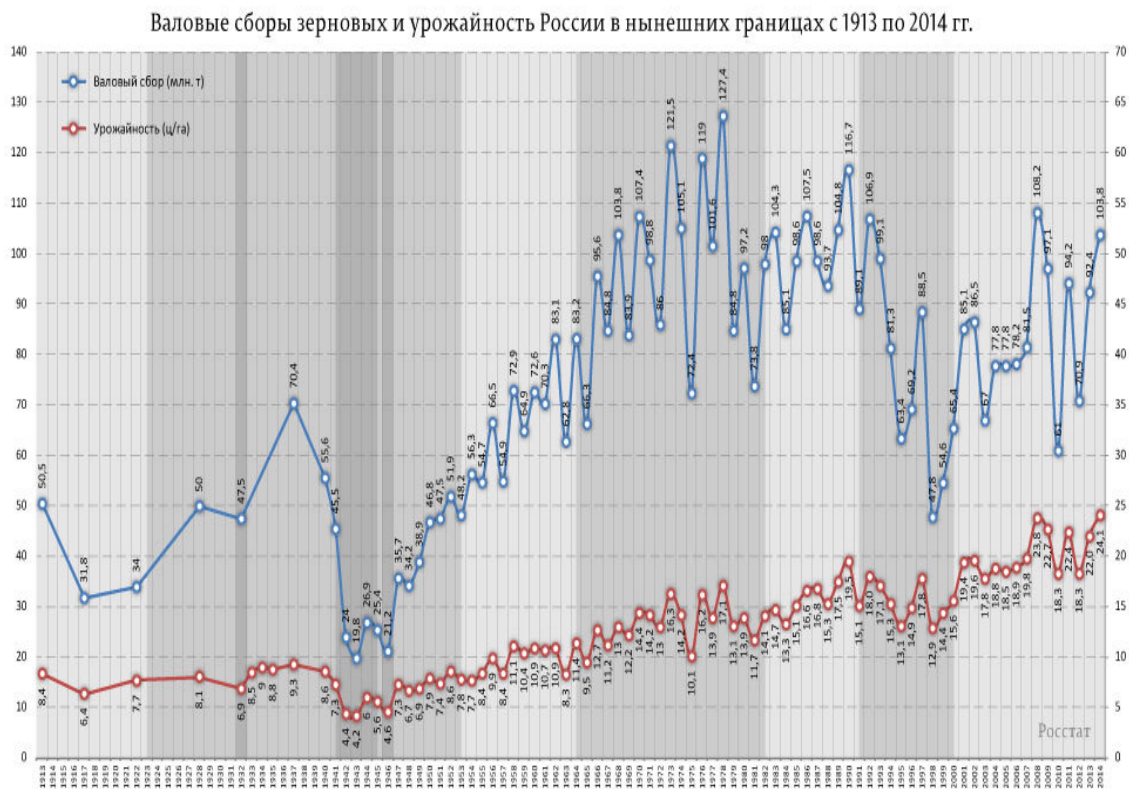
Количество упоминаний	В докладе	Всего на сессии
Мендель (без учета упоминаний в форме «менделизм» и т. п.)	1	86
Морган	5	48
Вейсман	25	68
Вавилов	нет	нет
Четвериков	нет	нет
Филипченко	нет	9
Кольцов	6	26
Серебровский	нет	20
Шмальгаузен	14	188
Дубинин	13	58
Жуковский	7	49
Жебрак	1	58
Полянский	1	7
Рапопорт	нет	58
Мичурин (без учета упоминаний в форме «мичуринская биология»)	31	499

Тимирязев	12	134
Лысенко	1	541

Академик В.И. Назаренко пишет, что доклад для Лысенко подготовил И.И. Презент [Назаренко 2006]. Он был составлен не просто в агрессивном плане, но по существу в уголовно-политическом ключе. Однако осторожный Т.Д. Лысенко дал его для предварительного ознакомления И.В. Сталину. Тот существенно изменил тональность доклада, из него исчезли слова «антисоветский», «антинародный», «вредительский» и т. д. Вместо них были вписаны другие — «идеалистические», «антинаучные», «не соответствующие задачам сельского хозяйства» и т. д. Впрочем, «смягчение обвинений» для последующей судьбы менделистов ничего не изменило. Разве что для интеллигенции был сделан намек, что не нужно ждать, пока тебя назовут вредителем, простого обвинения в идеализме достаточно, чтобы быть уволенным с работы.

Никаких других мероприятий, кроме доклада Лысенко в первый день сессии не было, а следующий день был посвящен экскурсии на экспериментальную базу Лысенко в «Горках Ленинских». Посетителям демонстрировали ветвистую пшеницу, из которой сотрудники Лысенко А.А. Авакян и Д.А. Долгушин путем «воспитания» через два года собирались получить устойчивый сорт с урожайностью 150 ц/га, в то время как в послевоенные годы средняя урожайность зерновых по стране была около 7 ц/га [Урожайи и урожайность... б/г]. В 2016 г. она достигала 26,8 ц/га, а в Краснодарском крае зафиксировано 58.2 ц/га [Урожайность пшеницы... б/г].

Рисунок 1.

Лишь на третий день начались прения, и продолжались в течение восьми заседаний. 48 ораторов дали восторженную оценку докладу Лысенко и обрушились на генетиков с обвинениями иногда научного, а чаще политического характера. Из числа защитников возмож-

ность выступить была предоставлена всего восьми ученым (а многих генетиков просто не пригласили на эту сессию и не пустили в зал заседаний без пригласительных билетов). Если кто-то надеялся, что это будет научная дискуссия, то вскоре от подобных иллюзий пришлось отказаться. Показательно выступление новоиспеченного академика И.И. Презента: *«В настоящее время окончательно определился водораздел между менделевско-моргановским (вейсманистским) направлением и противоположным ему мичуринским направлением. В этой связи чрезвычайно важно рассмотреть имевшие место здесь на сессии и за ее пределами попытки найти русло примирения этих двух направлений. Возможно ли это?»*

<...> чтобы морганисты могли быть „примирены“ с мичуринским учением, морганистам надо отказаться от всех до одного теоретических положений этого ложного учения. Ни в какое другое русло примирения мичуринская биология не даст себя вовлечь» [О положении... 1948: 487–488]. Особенную ненависть и злобу у выступавших вызывал И.И. Шмальгаузен, классический труд которого «Факторы эволюции» (1946) входит в число книг, создавших основу современных эволюционных представлений [Колчинский 2012а: 262–320]. Его Лысенко объявил главным «вейсманистом-морганистом» и приверженцем «буржуазной науки» [Там же: 9, 20–23], а всего его имя упоминалось 188 раз (см. табл. 1), естественно, что почти всегда в негативном смысле.

На последнем, десятом заседании с заключительным словом выступил Лысенко. Прежде чем начать свою речь, он сделал следующее заявление: *«Меня в одной из записок спрашивают, каково отношение ЦК партии к моему докладу. Я отвечаю: ЦК партии рассмотрел мой доклад и одобрил его»* [Там же: 512]. После этого как сказано в отчете начались *«бурные аплодисменты, переходящие в овацию. Все встают»*.

После этого судьба генетиков была решена. Трое из восьми выступавших на сессии генетиков произнесли покаянные заявления тут же на последнем заседании, большинству из оставшихся пришлось сделать это позже. В качестве единственного исключения надо назвать И.А. Рапопорта (1912–1990), который отказался признать свои «ошибки» и в результате был не просто уволен с работы, но вдобавок исключен из партии, что в те времена считалось более серьезным наказанием и грозило арестом, если бы за него не заступился Д.Т. Шепилов (1905–1995) — заведующий Отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП(б), знавший Рапопорта по фронту. Другому «нераскаившемуся» противнику Т.Д. Лысенко припомнили клевету на Красную Армию в 1945 г., когда он протестовал против случаев мародерства некоторых советских военнослужащих в Германии, и надолго запрятали в тюрьму. Только в 1962 г. ему вернули докторской степени, которой лишили в 1948 г.

Как подытожил в своих воспоминаниях Жорес Медведев *«основные положения доклада Лысенко были примитивнейшей псевдонаукой, которая возвращала биологию и все связанные с ней дисциплины на 150 лет назад к теориям Ламарка о наследовании благоприятных признаков. В СССР отменялись или запрещались, как реакционные, буржуазные и идеалистические сразу несколько важнейших дисциплин, прежде всего генетика с ее хромосомной теорией наследственности, теории генов, мутаций и многое другое. Запрещалась как реакционная наука медицинская генетика. Австрийский монах Мендель просто ошибался, формулируя „гороховые законы“, Вейсман со своей теорией зародышевой плазмы был реакционным идеалистом, а хромосомная теория наследственности Моргана служила интересам американских расистов»* [Медведев 2011]. На самом деле сам Лысенко свою концепцию наследственности позаимствовал у одного из пророков расовой гигиены Эрнста Геккеля (1834–1919), развивавшего представления о консервативной и прогрессивной наследственности в догенетическую эру [Haeckel 1866: 180–223].

Стенографический отчет сессии был сразу же издан на русском [О положении... 1948] и на английском языках огромными тиражами. И хотя Р.Л. Берг указывает на то, что из отчете-

та были выброшены отдельные фразы [Берг 2003: 154], это мало меняет общую ситуацию — историкам прекрасно известно, что говорилось на сессии. Разнятся лишь оценки. До 1964 г. в СССР было принято положительно оценивать итоги сессии — как победу «настоящей» биологии над «буржуазными извращениями». После 1964 г. некоторое время происходила борьба с наследием Лысенко, но к концу 1960-х гг. она прекратилась, и существовал негласный запрет на упоминание лысенковщины в литературе под лозунгом «Не надо ворошить прошлое». Подробно описывать события того периода начали лишь после Перестройки, т.е с начала 1990-х годов.

Обсуждение феномена сессии и ее причин

Традиционно считается, что *«взаимоотношения власти и интеллигенции в первые послевоенные годы были predeterminedены политико-экономической ситуацией и международным положением СССР»* и *«дискуссии в науке должны были, по мнению партийных идеологов, консолидировать общество <...> в условиях начавшейся холодной войны»* [Моисейченко 2017: 34]. На наш взгляд, это не совсем так. Главная цель дискуссий для Сталина заключалась в необходимости заставить интеллигенцию забыть о послаблениях военных времен и привести к покорности. Впрочем, начавшаяся холодная война действительно резко усугубила положение [The Lysenko Controversy 2017].

В.Н. Сойфер считает, что события, подобные полному разгрому генетики, могли произойти только в тоталитарной стране. Поэтому ему кажется, что замена научной генетики мичуринской биологией была в Советском Союзе predeterminedена. Даже своему основному труду он сделал подзаголовок «Разгром коммунистами генетики в СССР» [Сойфер 2002]. С этим можно согласиться только частично. Конечно, в демократической стране запрещение какой-либо науки невозможно. Даже частичный запрет преподавания «эволюции по Дарвину» после «обезьяньих процессов» в США не привел к сколько-нибудь заметному замедлению развития эволюционной биологии, как и активная борьба с ней современных сторонников научного креационизма, на стороне которых симпатии большинства населения, многих крупных политических деятелей, а порой и президентов.

Но дело в том, что даже в тоталитарном Советском Союзе запрет на целое научное направление — явление экстраординарное. В качестве примера напомним, что дискуссии в советской биологии в 1920-е гг. были куда более яростными, чем в 1948 году, сопровождались хлесткими обвинениями и призывами к партийным органам «разобраться» с теми или иными «идеологически вредными» и даже просто «вредительскими» теориями. Отдельных ученых подвергали гонениям, иногда арестовывали или высылали из страны (вспомним печально знаменитые «философские пароходы»), науки делились на «пролетарские» и «буржуазные» по идеологическим признакам [Колчинский 1991]. Сотни, если не тысячи первоклассных ученых уже тогда стали жертвами репрессий [Колчинский 2012б; Kolchinsky 2014]. Однако, определенная «свобода выбора» у учёного, как правило, оставалась. Научные институты подчинялись разным наркоматам (министерствам): здравоохранения, земледелия, просвещения и т. д., и подвергшиеся административным репрессиям могли перейти из одной системы в другую и искать себе новых покровителей и «государственных спонсоров».

Но к 1940-м годам ничего подобного не осталось. У страны появился единственный «хозяин» — Иосиф Сталин, физически уничтоживший в 1930-х гг. всех политических противников. Сталин действовал уже не как «марксист» и не с позиций классовой «диктатуры пролетариата», а как рабовладелец, как единственный свободный человек в мире полностью подчиненных ему рабов. С теорией Карла Маркса это уже, конечно, не имело ничего общего.

И именно Сталин начал после окончания Второй мировой войны новый раунд репрессий. Хотя его единоличная власть не подвергалась сомнению в СССР, но тяжесть пережитых страной военных лет если и не стёрла совсем память об ужасах репрессий 1937 года, то хотя бы «затушевала» их. В армии, промышленности, хозяйственных органах и даже партии вновь появились люди, способные к самостоятельным решениям и поступкам. Иначе бы страна не выжила.

Восстанавливая полноту своей власти и заменяя «самостоятельных» на покорных исполнителей, Сталин провел в 1946–1953 гг. серию показательных процессов, например, так называемые «суды чести». Генетик А.Р. Жебрак был в числе первых подвергнут «суду чести» 21–22 ноября 1947 г. [Жебрак, Солнцева 2013], причем главным обвинением было пока ещё то, что Жебрак критиковал Лысенко не в советских зданиях, а на страницах американского журнала “Science”, т. е. сама критика как бы допускалась. Затем состоялись суды чести в Министерстве геологии и Министерстве государственного контроля, а в начале 1948 г. — в Министерстве электропромышленности и Министерстве станкостроения. В январе 1948 г. был проведен суд чести в Министерстве вооруженных сил. Под суд попали недавние высшие руководители военно-морского флота — адмиралы Н.Г. Кузнецов, Л.М. Галлер, В.А. Алафузов и Г.А. Степанов.

Средством административного давления на интеллигенцию стали постановления ЦК ВКП(б) «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“», «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению», «О кинофильме „Большая жизнь“», «Об опере В. Мурадели „Великая дружба“» [Артизов, Наумов 1999: 588–596]. Художественные достоинства при этом оказывались менее важными, чем их соответствие идеологическим постулатам.

Кульминацией «новой политики давления» стало так называемое «Ленинградское дело» в конце 1940 – начале 1950-х гг., затронувшее огромную группу высших партийных и государственных руководителей, многие из которых были расстреляны [Кузнечевский 2017].

В эту политику однозначно укладываются процессы против ученых. От локальных «судов чести», видимо, эффект был слишком мал, и к 1948 г. Сталину просто необходима была широкомасштабная акция. Тут-то и подвернулся Лысенко со своим желанием восстановить утраченные за последние годы позиции своей агробиологии, да еще пообещавший из ветвистой пшеницы получить устойчивый сорт с урожайностью 150 ц/га. Это было особенно важно в условиях недавнего голода 1946–1947 гг. жертвами которого стали около двух миллионов людей [Зима 1996]. Можно не сомневаться, что Сталин в любом случае нашел был кого демонстративно покарать. Думается, что выбор именно генетики для этой акции не связан с сутью данной науки, а обусловлен сиюминутными интересами, а именно катастрофическим положением в сельском хозяйстве, и желанием найти «виновных» для предъявления недовольному народу. И судя по воспоминаниям и СМИ эту задумку Сталин реализовал блестяще. Под воздействием масштабной агитации часть населения вспылало ненавистью к генетикам, из-за которых оно голодало. Никто им не объяснял, что во главе сельскохозяйственных наук уже более 10 лет стоит народный агроном Лысенко, который по совместительству уже 8 лет и главный генетик страны. И почему с 1938 г. средняя урожайность зерновых не только не растет, а даже существенно падает, надо прежде всего спрашивать у мичуринцев. Но такие вопросы никто не осмеливался задавать. И по приказу сверху «народные» хоры исполняли злобные частушки про генетиков, а в честь Лысенко — «оратории». Но продовольствия от этого в стране больше не становилось. И одному из авторов этой статьи, выросшему в крупном промышленном г. Челябинске, сыгравшему решающую роль в снабжении Красной армии военной техники во время Великой отечественной войны, с пяти лет до 1953 г. приходилось часами выстаивать в очереди, чтоб не пропустить привоз хлеба, который захватывали за полчаса. А мяса в челябинских магазинах вообще никогда не было, и

большинство городского населения жило за счет крохотных приусадебных огородах и массовых посадок картофеля.

Лысенко часто называют «злым гением» советской биологии. Но он только подручный. Настоящий «злой гений», безусловно, был Сталин. Без его поддержки (да нет, не поддержки, а прямого и непосредственного руководства процессом) сессия 1948 года осталась бы всего лишь скандальной научной конференцией, а ее итоги затронули бы только ВАСХНИЛ. Лысенко был только довольно бездарным актером, сыгравшим прописанную ему роль.

Оправдывает ли это Трофима Лысенко? Не думаем. С точки зрения научных норм и ценностей он вечный грешник. На самом деле в «сталинской науке» менялись лишь декорации, а суть оставалась одна и та же, и водораздел между ней и псевдонаукой был очевиден каждому ученому. В 1935–1936 гг. и Вавилов, и Лысенко, уже ставшими научными противниками, пытались выполнять правила аппаратной игры: Вавилов скрепя сердце, а Лысенко, видимо, с удовольствием. После 1937 г. Н.И. Вавилов понял, куда это ведет науку, и занял позицию, резко отрицательную к лысенковскому направлению. Лысенко играл свою роль до конца — будучи до смерти Сталина его верным апологетом, а позже сумев с тех же позиций обаять нового руководителя СССР Никиту Хрущева. Да и после свержения последнего он бомбардировал Президиум АН СССР, ЦК КПСС и Совет Министров СССР письмами не столько с научными аргументами, сколько с прежними идеолого-политическими обвинениями в адрес своих научных оппонентов [Овчинников 2010: 181–182; Gordin: 69–72].

Тотальный погром советской биологии

Если дискуссии 1930-х гг. создавали иллюзию дискуссий между группами ученых, занимавших разные позиции по ключевым вопросам биологии, то Августовская сессия ВАСХНИЛ была сугубо политико-административным мероприятием, задуманным и осуществленным властью с целью подавления всех, выступавших за стандарты единой мировой науки и за свободомыслие в профессиональных сферах. В принятом постановлении одобрялись усилия Т.Д. Лысенко за *«большую, плодотворную работу в разоблачении и разгроме теоретических позиций менделизма-морганизма»* [О положении... 1948: 533] и предлагались неотложные меры по утверждению единой мичуринской биологии. В их числе были названы: полный контроль мичуринцев над биологическими исследованиями; пересмотр всех планов и образовательных программ в области генетики, селекции, семеноводства, дарвинизма и других биологических дисциплин; создание новых учебников для средней и высшей школ, написанных в духе мичуринского учения; подчинение всех биологических исследований задачам роста сельскохозяйственного производства.

Инициативу репрессий взяло на себя высшее партийное руководство. Через день после окончания сессии состоялось заседание Оргбюро ЦК ВКП(б) под председательством Г.М. Маленкова на котором были приняты важные кадровые решения [Есаков 2000: 378–379]. В.С. Немчинова освободили от обязанностей директора Сельскохозяйственной академии им. Тимирязева и назначили на эту должность В.Н. Столетова. С.Д. Юдинцева сняли с поста декана биологического факультета МГУ, а И.И. Шмальгаузену — с заведования кафедрой дарвинизма. На их места был назначен главный идеолог лысенкоизма И.И. Презент, который одновременно заведовал кафедрой дарвинизма в другом ведущем университете — ЛГУ. Обосновывая уже состоявшееся решение по Шмальгаузену, министр высшего образования С.В. Кафтанов писал, что Шмальгаузен *«является основным идеологом менделизма-морганизма, <...> ярким противником школы Лысенко, полностью отвергает достижения советской агробиологии»* [там же: 379]. Вопросы внедрения решений ВАСХНИЛ в сферу образования обсуждались на Оргбюро и Секретариате ЦК ВКП(б) также 11 и 16 августа.

Последующие события в биологии вплоть до смерти Сталина в марте 1953 г. в многочисленных исторических трудах и воспоминаниях характеризуют обычно как «погром биологии в СССР» или ее «трудные» годы [Александров 1992; Сойфер 2002]. Важно отметить, что Августовская сессия дала сигнал к ликвидации не генетики или научной селекции, а всей «реакционно-идеалистической биологии» в академических учреждениях и высшей школе. Начиная с 23 августа 1948 г. последовали приказы министров высшего образования, сельского хозяйства и здравоохранения, по которым увольнялись профессора, преподаватели и научные сотрудники, а порой и лаборанты, кафедр генетики, дарвинизма, общей биологии, а также сотрудники академических учреждений, преподававших концепции, противоречащие мичуринской биологии. Массированные репрессии затронули практически все отрасли биологии. Они прокатились по всем исследовательским и учебным заведениям, причастным к биологии, независимо от их ведомственной принадлежности.

В соответствии с приказом Министерства высшего образования СССР от 23 августа 1948 г. № 1208 «О состоянии преподавания биологических дисциплин в университетах и о мерах по укреплению биологических факультетов квалифицированными кадрами биологов-мичуринцев» ректорам вузов предписывалось добиться *«решительного искоренения реакционного идеалистического вейсманистского (менделеевско-моргановского) направления»* [О состоянии... 1948]. Искоренение началось без промедления: десятков руководителей вузов и факультетов были освобождены от занимаемых постов решением секретариата ЦК, а сотни профессоров, заведующих кафедрами, доцентов были уволены приказами С.В. Кафтanova. Он же предложил изъять из публичных библиотек ряд учебников по биологии, которое было отвергнуто даже секретариатом ЦК. Тем не менее учебники И.М. Полякова (1941), Л.Я. Бляхера (1944), А.А. Парамoнова (1945), И.И. Шмальгаузена (1946) по общей биологии и дарвинизму были изъяты из библиотек университетов и вузов и уничтожены как антинаучные. «Антимичуринцы» должны были публично «разоружиться» посредством самокритики, признавая ошибки и раскаиваясь в них. Но это мало кому гарантировало сохранение должности. Для ускоренной подготовки «мичуринских» кадров в МГУ и ЛГУ университетах проводили дополнительные наборы студентов на биологические факультеты. Многие кафедры были закрыты или их преподавательский состав был полностью сменен.

Из Московского университета помимо С.Д. Юдинцева и И.И. Шмальгаузена были уволены профессор: антрополог В.В. Бунак, эмбриолог и эволюционист М.М. Завадовский, физиолог растений Д.А. Сабинин, агрохимик И.Г. Дикусар, алиолог В.В. Алпатов а также их сотрудники Р.Л. Берг, З.И. Берман, А.Л. Зеликман, М.М. Камшилов, Р.Б. Хесин-Лурье, Н.И. Шапиро и др. С.И. Алиханяна не спасла покаянная речь в последний день Августовской сессии. Его уволили, а кафедру генетики реорганизовали в кафедру генетики и селекции, которую возглавил фитопатолог Н.И. Фейгисон — автор термина «советский творческий дарвинизм». Кафедра агрохимии на факультете почвоведения была закрыта и все ее сотрудники уволены. Никого из прежних сотрудников не осталось на реорганизованной Презентом кафедре дарвинизма. Ликвидирован был полностью университетский Институт зоологии.

Подлинный разгром был учинен в Тимирязевской сельскохозяйственной академии после увольнения В.С. Немчинова с поста ректора. Через полгода он потерял и кафедру статистики. Его даже успели исключить из партии, но вскоре от И.В. Сталина, давно знакомого с В.С. Немчиновым, последовала указание отменить решение об исключении Немчинова, и ему предоставили почетную должность председателя Совета по изучению производительных сил СССР в АН СССР. Вместе с ним из Тимирязевской академии были уволены А.Р. Жебрак и П.И. Константинов. Кафедру генетики и селекции возглавил сам Т.Д. Лысенко, а его ближайший сотрудник Н.И. Нуждин занял кафедру зоологии вместо крупнейшего гельминтолога и эволюциониста А.А. Парамoнова.

23 августа 1948 г. из Московского пушно-мехового института были уволены заведующий кафедрой каракулеводства профессор Б.Н. Васин и доцент кафедры генетики Е.Т. Вавина-Попова [Трапезов 2009]. В Белорусском сельскохозяйственном институте был уволен и арестован заведующий кафедрой ботаники Б.А. Вакар. От заведования кафедрами общей биологии во 2-м Московском медицинском институте был отстранен эмбриолог Л.Я. Бляхер, а в Ленинградском медицинском институте — И.И. Канаев.

Не меньшие потери понёс Ленинградский университет. И.о. ректора Ю.И. Полянский был уволен с партийным выговором и в течение нескольких месяцев был безработный, а затем устроился старшим научным сотрудником на Мурманской биологической станции в поселке Дальние Зеленцы. В Ленинград он смог вернуться только в 1955 г. Проректор университета, профессор кафедры зоологии позвоночных, биометрик П.В. Терентьев был также уволен и смог найти работу только в Вологодском педагогическом институте. Вместо генетика М.Е. Лобашева деканом биолого-почвенного факультета ЛГУ был назначен Н.В. Турбин, который возглавлял также вновь созданную кафедру генетики и селекции, отрицая при этом дискретность наследственности, законы Менделя и хромосомную теорию Моргана, отстаивая наследование приобретаемых признаков и вегетативную гибридизацию. Презент окружил себя на кафедре дарвинизма собранными со всей страны малограмотными «творцами мичуринской биологии» и подхалимами, которые занимались совсем анекдотичными темами. Например, Алексеева, начав с изучения удойности коров, занялась *«удоями у свиней, а затем удойности собак, которых можно разводить на севере с целью получения молока»*⁴. Кафедру общей биологии вместо высокообразованного ихтиолога Н.Л. Гербильского заняла лояльная к мичуринцам, но славившаяся невежеством М.В. Виноградова. Презент добился увольнения физиолога Э.Ш. Айрапетьянца, эколога Г.А. Новикова, эмбриолога П.Г. Светлова и др., не имевших отношения к генетике, но скептически относившихся к мичуринской биологии. От работы со студентами и аспирантами был освобожден будущий крупный эволюционист К.М. Завадский. По существу Презент воспользовался ситуацией для сведения личных счетов. Так, от должности директора Биологического института ЛГУ в Петергофе был освобожден физиолог растений С.В. Солдатенков, никогда не участвовавший в дискуссиях.

Аналогичная картина наблюдалась по всей стране. В публикациях последних лет все большое внимание привлекают события в нестоличных университетских центрах, где, как правило, события протекали в еще более жестком режиме. В качестве примера рассмотрим хотя бы поволжские города (Горький, Казань, Ульяновск, Саратов). Так, в городе Горький (Нижний Новгород) все генетики и им сочувствующие были изгнаны из стен высшей школы. Среди них были горьковские профессора С.С. Станков, А.Д. Некрасов, И.И. Пузанов, Н.П. Красинский [Филипчук, Тимкова 2017]. Но наиболее известен Сергей Сергеевич Четвериков (1880–1959), один из создателей популяционной генетики. Он был освобожден от работы с формулировкой *«как проводивший активную борьбу против мичуринцев и мичуринского учения и не обеспечивший воспитания советской молодежи в духе передовой мичуринской биологии»*. Ему предлагали отказаться от своих убеждений, на что Сергей Сергеевич отвечал: *«Если бы я и сделал это, то никто из сообщества генетиков не поверил бы»* [Там же].

В Казанском университете известный зоолог профессор Н.А. Ливанов (1876–1974) вынужден был оставить место заведующего кафедрой зоологии, которой он руководил уже 32 года. В приказе ректора КГУ от 2 октября 1948 года говорилось: *«Проф. Н.А. Ливанов читал курсы по биологическим дисциплинам в духе буржуазного объективизма, излагал анти-*

⁴ Центральный государственный архив историко-политической документации (далее ЦГАИПД). Ф. 984. Оп. 6. Д. 36. Л. 34.

научные взгляды вейсманистов без критики, игнорировал диалектико-материалистическое учение И.В. Мичурина, научную работу кафедры на протяжении многих лет проводил в полном отрыве от практики социалистического строительства, не обеспечил подготовку кадров через аспирантуру в духе творческой мичуринской биологии» [Барабанщиков, Ермолаев 2011].

Этим же приказом была уволена из университета ближайший помощник Ливанова — доцент З.И. Забусова. Сотрудников кафедры лишили возможности заниматься традиционной для них эволюционной морфологией беспозвоночных. Заведовать кафедрой была назначена М.И. Волкова — узкий специалист по кровососущим двукрылым насекомым, не оставившая в итоге о себе никакой памяти в науке. Сразу после сессии была сделана попытка создать «кафедру генетики и дарвинизма» для пропаганды «мичуринской биологии». Долго эта кафедра не прожила, видимо потому что изначально была «мертворожденной» [Ермолаев 2017].

В Ульяновске объектом травли стала заведующая кафедрой разведения сельскохозяйственных животных местного сельхозинститута профессор О.А. Иванова. 7 сентября 1948 г. в газете обкома ВКП(б) «Ульяновская правда» была опубликована посвященная ей статья «Непризнанные ошибки». Через несколько дней приказом Министерства высшего образования О.А. Иванову уволили из сельхозинститута и удалили из Ульяновской области [Кузнецов, Кузнецова 2014]. На первом же заседании спешно образованного «мичуринского кружка» заведующий кафедрой акушерства доцент В.В. Петропавловский изложил новую теорию пола. По его мнению: *«пол не предопределяется половыми клетками и не возникает в результате их случайного сочетания, как считают формальные генетики, а он развивается в процессе развития зародыша только при наличии определенных условий. Формирование пола происходит в результате типичного для данного пола обмена веществ, протекающего в зародыше, и воздействия среды»*. «Отсюда открываются, — как доказывал В.В. Петропавловский, — новые пути к возможности исследовательской работы по решению проблемы регулирования полов» [Там же].

Крупным научным центром в нижнем Поволжье был Саратов. Здесь действовали 13 вузов, 10 НИИ, из которых НИИ «Микроб» и институт зернового хозяйства Юго-Востока СССР имели союзное значение. В вузах и НИИ работало свыше 350 биологов. Поскольку ректор Саратовского государственного университета П.В. Голубков и декан биологического факультета А.Д. Фурсаев проявили, якобы, мало активности в деле осуждения генетики, считая вейсманизм одним из течений в биологии, за дело взялись обком и горком ВКП(б). Они четырежды организовывали заседания партбюро, дважды — совещания актива, создали Ученый совет СГУ и три раза — Совет биофака [Моисейченко 2017: 33]. От работы были отстранены заведующий кафедрой генетики и дарвинизма СГУ профессор В.Е. Альтшулер и его сотрудник Б.А. Гельцберг, доцент сельхозинститута Н.П. Бубнов, были пересмотрены учебные программы по биологическим наукам [там же]. С.С. Хохлов сохранил место работы в Саратовском педагогическом институте, а в 1949 г. был переведен в Саратовский государственный университет на кафедру генетики и дарвинизма, откуда был уволены В.Е. Альтшулер. Но и ему пришлось сменить тему научных исследований, отказаться от исследований роли апомиксиса в эволюции высших растений, по которой он успел защитить докторскую диссертацию, утвержденную только в 1966 г., и переключиться на изучение ползащитного лесоразведения.

Чтобы не ограничиваться Поволжьем, переместимся в Сибирь. В вузах города Томска в 1948–1949 учебном году от работы было освобождено более 50 человек [Сизов 2004: 148]. В Омском сельхозинституте два дня длилось собрание научных работников, посвященное итогам августовской сессии ВАСХНИЛ. В его работе участвовали секретарь обкома ВКП(б)

П.А. Шуркин и другие партработники. Докладчик, директор ОмСХИ Ф.М. Дробышев, сообщил собравшимся, что «менделисты-морганисты» «свили свое гнездо» и в руководимом им вузе. В качестве таковых были названы профессора Б.А. Вакар, К.Е. Мурашкинский, К.Г. Ренард и А.А. Стольгане. Больше всех досталось профессору Мурашкинскому. 12 сентября 1948 г. в «Омской правде» целая страница была посвящена собранию в ОмСХИ. В газете утверждалось, что Мурашкинский и ему подобные *«открыто и тихой сапой боролись против передового учения К.А. Тимирязева, В.Р. Вильямса, И.В. Мичурина, Т.Д. Лысенко, уходили сами и пытались увести своих аспирантов и студентов от практики социалистического строительства»*. 25 сентября 1948 г. К.Е. Мурашкинский предпочел смерть продолжению этих экзекуций. Остальные были просто уволены [Сизов 2009].

И так по всей стране. Из Киевского университета был изгнан заведующий кафедрой дарвинизма и генетики С.М. Гершензон, из Ереванского — морфолог растений А.Л. Тахтаджян, из Белорусского — гидробиолог Г.Г. Винберг, из Харьковского — зоолог Е.И. Лукин и т. д. Многие из них читали курсы по дарвинизму, но за исключением ленинградца К.М. Завадского, а также москвичей З.И. Бермана и А.Л. Зеликмана, приглашенных со временем читать лекции в периферийных педагогических институтах Смоленска и Костромы (соответственно), никто из них уже никогда не возвратился к преподаванию эволюционной теории. Их места занимали лысенкоисты, чаще всего не имевшие ни малейшего представления ни об учении самого Ч. Дарвина, ни о его современном варианте — СТЭ.

Итоги сессии ВАСХНИЛ сказались не только на высшей, но и на средней школе. По всей стране преподавание биологии в школе перестраивалось в соответствии с положениями мичуринской биологии. Из учебников убиралось упоминание о менделеевской генетике и заменялись цитатами из работ Т.Д. Лысенко. В школах и во дворцах пионеров создавали «мичуринские кружки» и проводили их слёты. В отчетах о работе школ отмечается что, учащиеся стали проводить работы по вегетативной и половой гибридизаций растений [Шитов 2016]. Учащиеся средней Пышминской школы якобы вывели новый местный сорт помидора «Урожайный». С целью связать школьную практику с сельским хозяйством 30 школ Свердловской области выращивали у себя ветвистую пшеницу [Там же: 397].

Отреагировала на решения сессии ВАСХНИЛ и Академия наук. 24–26 августа состоялось расширенное заседание Президиума АН СССР, который признал *«свою работу по руководству биологическими институтами Академии неудовлетворительной»*. Бюро Отделения биологических наук было предписано вывести из составов ученых советов институтов и редколлегии журналов *«сторонников вейсманистско-морганистской генетики и пополнить их представителями передовой, мичуринской биологической науки»*; пересмотреть *«всех аспирантов, их руководителей и тематики аспирантских диссертаций»*. Поскольку глава Отделения биологических наук Л.А. Орбели отказался каяться, на его место избрали А.И. Опарина — автора популярной концепции происхождения жизни, поддержавшего Лысенко. Президент Академии выдающийся физик С.И. Вавилов «признал» научную правоту главного оппонента своего брата, и его косвенного убийцу, покаялся в том, что АН стремилась сохранить нейтралитет в борьбе двух направлений в биологии и заверил, что будут приняты *«все необходимые меры, чтобы в биологических институтах, журналах и издательской деятельности получила полное развитие мичуринская биологическая наука»* [Расширенное заседание... 1948]. О его самочувствии от занятой позиции красноречиво говорит запись от 26 августа 1948 г.: *«Все так грустно и стыдно»* [Вавилов 2012: 364]. Ценой такого компромисса С.И. Вавилов добился разрешения своими силами «почиститься» от антимичуринцев, и кадровые потери в АН СССР были не столь велики как в сфере образования.

Сильнее всего пострадала Институт эволюционной морфологии им. А.Н. Северцова АН СССР, директором которого был И.И. Шмальгаузен, и Институт цитологии, гистологии

и эмбриологии АН СССР. Их 16 ноября 1948 г. объединили в Институт морфологии животных им. А.Н. Северцова во главе Г.К. Хрущовым. Шмальгаузен освободили от обязанностей директора Института, заведующего отделом эволюционной морфологии Института зоологии АН УССР, главного редактора «Журнала общей биологии» и т. д. Более семи лет он не печатался и ни выступал с докладами. Вместе с ним был уволен выдающийся эволюционист М.М. Камшилов, а созданную им лабораторию феногенеза ликвидировали.

В Институте цитологии, гистологии и эмбриологии, АН СССР была закрыта лаборатория: цитогенетики Н.П. Дубинина и ботанической цитологии М.С. Навашина как имевшие «неправильное и антинаучное направление». Н.Д. Тарнавский, открывший мутагенное действие ДНК и заведовавший первой на территории Украины лабораторией по селекции китайского дубового шелкопряда, вместе со своими сотрудниками А.Л. Левочкиной и Г.А. Зильберман были уволены из Института зоологии АН УССР.

В институтах АН СССР много зависело от позиций директоров и парторганизации. В Ботаническом институте АН СССР удалось ограничиться тем, что несколько ученых (В.И. Полянского, С.Я. Соколова и В.Б. Сочаву) вывели из состава Ученого совета [Лебедев 1991: 278; Гельтман 2015]. С работы выгоняли не только генетиков. В соответствии с директивой Отделения биологических наук АН СССР от 26 августа 1948 г. Зоологический институт АН СССР уволил несколько сотрудников, в том числе старшего экскурсовода Зоологического музея Л.А. Чудновского, а в самом музее был развернут отдел «Основы мичуринского учения» и удалены экспонаты по генетике [Слепкова 2010].

В Академии медицинских наук (АМН СССР) расширенное заседание Президиума состоялось 9–10 сентября 1948 г. [Кременцов 1991]. На нём с докладом «Вопросы медицинской науки в свете решений сессии ВАСХНИЛ по докладу академика Т.Д. Лысенко» выступил глава Отделения медико-биологических наук И.П. Разенков. Здесь в качестве главных объектов для удара были выбраны Институт эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности АМН СССР, возглавляемый Л.А. Орбели, и Институт экспериментальной биологии АМН СССР во главе с А.Г. Гурвичем. Последний был уволен с поста директора, а его лабораторию по изучению митогенетических лучей закрыли. Орбели же не только сохранил еще на два года пост директора, но не дал уволить генетиков Р.А. Мазинга, И.И. Канаева и А.Н. Промтова и даже принял на работу уволенного из ЛГУ М.Е. Лобашева. Правда, генетическую тематику исследований отстоять ему не удалось.

До сих пор нет обобщающего труда о масштабах кампании по «реорганизации» биологических научных и образовательных учреждений в соответствии с решениями Августовской сессии. В начале перестройки писали о трех тысячах человек [Гайсинович 1988: 277]. Позднее стали называть другие цифры. Комиссия АН СССР по анализу истории развития генетики в СССР во главе с академиком В.А. Струнниковым успела составить и опубликовать лишь предварительный отчет. В нём говорится: «Только осенью 1948 г. было уволено 127 преподавателей, из них 66 профессоров. Общее число уволенных, пониженных в должности или устранившихся от руководящей работы после сессии ВАСХНИЛ 1948 г. исчислялось тысячами человек» [Струнников 2004: 153]. В последние годы называют иногда цифру в 300 человек, но не ясно, каким образом она получена.

Собственно говоря, никаких серьезных количественных подсчетов относительно изгнанных в те годы из биологии ученых невозможно сделать до тех пор, пока не открыты архивы того времени. После недолгого периода Перестройки, когда архивы на некоторое время лишились покрова секретности, гайки были опять закручены, и свободный доступ исследователей в архивы вновь затруднен. Просмотр личных архивов ученых доступен ближайшим родственникам, но очень у многих давно умерших биологов таковых уже не осталось. Да и попробуй их разыскать.

Так что мы не ставили цели подсчитать (даже приблизительно) число тех, кого затронула волна увольнений и партийных гонений после 1948 г. Зато приведенные выше примеры (именно примеры, а вовсе не полное перечисление известных нам случаев административных репрессий) должны, на наш взгляд, качественно показать всеобщий масштаб тогдашних событий. Это необходимо ввиду того, что ныне некоторые апологеты Сталина и Лысенко пытаются вообще отрицать наличие репрессий против генетиков и сочувствующих им биологов, а сторонники Лысенко хотят представить пострадавшей стороной. Впрочем, об этом ниже.

Судьбы пострадавших складывались по-разному. Основатель советский этологии А.Н. Промтов и знаменитый физиолог растений Д.А. Сабинин, не выдержав травли и невзгод, и, подобно К.Е. Мурашкинскому, покончили жизнь самоубийством. Другие в течение долгого времени были безработными, а затем работали в других областях биологии и только некоторые из них в середине 1950-х гг. смогли заняться снова генетикой. Третьи долгое время мимикрировали и вели себя как верные мичуринцы. Но никакие цифры не способны передать трагедию, переживаемую большинством биологов, вынужденных отречься от своих взглядов под давлением невежд и шарлатанов в науке. Чувство изгоя в собственной стране, сознание краха любимой науки и личной работы, материальные потери, месяцы безработицы, а самое главное изнуряющее чувство страха не столько за себя, сколько за своих близких, друзей и сотрудников — вот далеко неполная гамма чувств, которую переживали все те, кто понимал абсурдность происходящего. Выступая в актовом зале ЛГУ весной 1987 г., бывший заведующий кафедры генетики животных Polianskii, который, будучи проректором двух крупнейших вузов Ленинграда — ЛГУ и ЛГПИ, добровольцем ушел на фронт и провоял всю блокаду на «Невском пяточке», искренне и с болью сказал: *«Страшно было не себя, а за то, что при допросах, не выдержав пыток, оговоришь и погубишь друзей и сотрудников»*.

Иначе чувствовали себя сторонники Т.Д. Лысенко. Большинство из них идейной формой прикрывали обыкновенный карьеризм и после сессии с удовольствием заняли посты своих оппонентов. К выше упомянутым данным о Н.И. Нуждине, Н.В. Турбине, А.И. Опарине, В.Н. Столетове, И.И. Презенте прибавим сведения о блестящей карьере еще двух активных защитников мичуринской биологии на Августовской сессии: М.А. Ольшанский — вице-президент ВАСХНИЛ (1951–1960), министр сельского хозяйства СССР (1961–1962), президент ВАСХНИЛ (1962–1964); И.Г. Эйхфельд — президент АН Эстонии (1950–1968), а затем председатель Президиума Верховного совета ЭССР. Председательствовавший на сессии заместитель министра сельского хозяйства СССР П.П. Лобанов впоследствии был заместителем председателя Совета министров РСФСР и СССР, дважды возглавлял ВАСХНИЛ (1956–1961) и (1965–1978). Именно ему позднее поручили «искоренять» лысенковщину.

Ирридиация лысенковщины

Заняв командные посты в советской биологии, лысенкоисты инициировали новые грандиозные планы. 20 октября 1948 года было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР «О плане полезащитных лесонасаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах европейской части СССР». Весь план, в разработке которого участвовал Т.Д. Лысенко, оказался большой аферой, как и его ключевой пункт «гнездовой способ» посадки деревьев, выдаваемый им за «новейшее достижение» отечественной науки и построенный на надуманные аналогии между пользой кооперации в общественной жизни и в растительном сообществе. Огромные средства, вложенные в лесопосадки

«по способу Т.Д. Лысенко», оказались буквально выброшенными на ветер. Уже осенью 1949 г. произошла массовая гибель саженцев, высаженных весной по предложенному Т.Д. Лысенко способу посадок, хотя он за провальный проект получил третью в своей жизни Сталинскую премию с огромными по тем временам деньгами в 200 000 рублей.

Зато какими только бранными словами не обзывали его противников. «Расисты» и «мухолюбы-человеконенавистники» были, наверно, самыми безобидными среди них. Казалось, нет предела фантазиям талантливого карикатуриста Б.Е. Ефимова, иллюстрировавшего на эту тему печально знаменитую статью А.Н. Студитского в 11 номере «Огонька» за 1949 г. В новогоднем номере «Огонька» за 1949 г. Лысенко был представлен дворником, выметавшим из советской науки вейсманистов, морганистов, менделистов, а его ближайшие подручные И.И. Презент и Н.В. Турбин, как Священное Писание, несли труды И.В. Мичурина. Т.Д. Лысенко стал «вождем» советской биологии, чуть ли не равновеликим Сталину. Художники Львова подарили Ставрополю и Гродно скульптуры «Сталин и Лысенко». Надо сказать, что советская власть всегда активно использовала методы «массовой культуры» в борьбе с генетиками [Фандо 2002, 2014].

Решения Августовской сессии словно круги от брошенного камня расходились по всему научному сообществу, затрагивая сферы, далекие не только от генетики, но и от биологии вообще [Балакин 1997]. Происходящие события отражали нараставшее научное мракобесие в стране. 22–24 мая 1950 г. под председательством академика-секретаря Отделения биологических наук АН СССР А.И. Опарина состоялось обсуждение работ О.Б. Лепешинской о «живом веществе». В выступлениях руководителей АМН СССР (Н.Н. Аничков, Н.Н. Жуков-Вережников, С.Е. Северин), членов АН СССР (Е.Н. Павловский, А.Д. Сперанский, Г.К. Хрущов и др.) не было критических замечаний и сомнений в достоверности результатов, полученных Лепешинской, а А.И. Опарин оценил их как сокрушение последнего оплота менделизма. Т.Д. Лысенко, «порадовавший» участников совещания сенсационной теорией «порождения видов», противоречащей уже всей биологии, и его сторонники (А.А. Авакян, И.Е. Глущенко, Н.И. Нуждин, А.Н. Студитский и др.), отождествив вирховианство с морганизмом-вейсманизмом, также приветствовали труды О.Б. Лепешинской как существенный вклад в мичуринскую биологию. Вскоре это официально подтвердили присуждением Лепешинской Сталинской премии и утвердили монополию ее «учения», а ей предоставили возможность учинить расправу над критиками. Под угрозой увольнения, безработицы и репрессий те вынуждены были каяться в печати, на заседаниях Ученых советов академических учреждений и университетов, а также во время специально организованных «свободных дискуссий» [Гайсинович, Музрукова 1991; Трудные... 1994]. Они должны были восхвалять «судьбоносные эксперименты» О.Б. Лепешинской о зарождении клетки из бесструктурного живого вещества и Г.М. Бошьяна, «доказавшего», что вирусы превращаются в кристаллы, а кристаллы в вирусы.

Месяц спустя, 28 июня – 4 июля 1950 г., состоялась Объединенная сессия АН СССР и АМН СССР, на которой К.М. Быков, А.Г. Иванов-Смоленский, Э.Ш. Айрапетьянц, Э.А. Асратян обрушились с критикой на академиков Л.А. Орбели, А.Д. Сперанского, И.С. Бериташвили, Л.С. Штерн за их якобы «отход» от учения И.П. Павлова. В результате идеологически правильным было признано только одно направление в разработке наследия И.П. Павлова, связанное с учением об условных рефлексах, и объявлено, что отныне медицина, педагогика и биология должны опираться только на него. Все остальные физиологические исследования были расценены как антипавловские, что повлекло за собой еще одну волну увольнений, проработок, разоблачений, покаяний и «изживания» ошибок [Ярошевский 1991: 24–29]. Особенность этой сессии состояла в том, что уже не псевдоученые, а одни ученики И.П. Павлова во главе К.М. Быковым, назначенным И.В. Сталиным главным храни-

телем наследства И.П. Павлова, по указке партийных кругов громили других его учеников и последователей (Л.А. Орбели, Н.А. Бернштейна, И.С. Бериташвили, А.Г. Гинецинского и др.) за якобы допущенную ревизию павловского учения.

Сессии всесоюзных академий порождали микросессии в каждом исследовательском институте, университете и вузе. На них опять критиковали биологов, намеченных на заклание и причисленных к сторонникам заклеянных Д.Н. Насонова и Л.А. Орбели, утверждались очередные планы «реорганизации» советской биологии уже в свете так называемого павловского учения, единого почвообразовательного процесса В.Р. Вильямса, учения О.Б. Лепешинской. В итоге закрывались кафедры, лаборатории, увольнялись сотрудники, места которых часто занимали совершенно неподготовленные люди. Под ударом оказались и далекие от биологии науки: кибернетика, математическая логика, отдельные разделы физики и химии, социология, экономика и даже филология [Дружинин 2017].

В ЛГУ подобная вакханалия достигла апогея в конце 1950 г. 8–14 декабря в Физиологическом НИИ им. А.А. Ухтомского ЛГУ, где среди 40 сотрудников было немало сторонников концепций парабиоза Н.Е. Введенского, доминанты А.А. Ухтомского и паранекроза Д.Н. Насонова, была организована конференция по итогам Объединенной сессии двух академий с участием в заседаниях от 500 до 700 человек. С вводными докладами выступили ученики А.А. Ухтомского, бывший директор Физиологического института ЛГУ, один из создателей направления по изучению физиологии труда в СССР М.И. Виноградов и директор Физиологического НИИ, нейрофизиолог Н.В. Голиков, которые критиковали методологию ряда исследований сотрудников университетского института, давая им характеристики различной степени жесткости и признавая собственные ошибки в недооценке важнейших разделов павловского наследия. Особое внимание Виноградов уделил критике работ убежденного противника О.Б. Лепешинской члена-корреспондента АН СССР Д.Н. Насонова, уже снятого с должностей директора Всесоюзного института экспериментальной медицины АМН СССР и заведующего лабораторией общей и сравнительной гистологии ЛГУ, к тому времени ликвидированной. Из выступивших на конференции 39 человек никто не оспаривал постановлений Объединенной сессии двух академий и решений совещания по трудам Лепешинской. Ведь, по меткому выражению В.Я. Александрова, люди в те годы были лишены не только свободы слова, но и свободы молчать [Александров 1992]. Не только критики должны были оставаться верными одобренным вверху концепциям, сколь бы бредовыми они ни выглядели, но и критикуемые обязаны были выступать с покаянными речами, а далее уже шла дифференциация на искренне и неискренне раскаявшихся.

Активно наступательную позицию занимали новые лидеры «павловской» физиологии: академик К.М. Быков, возглавлявший кафедру физиологии высшей нервной деятельности, Э.Ш. Айрапетьянц, заглаживавший вину за поддержку антилысенкоистов, профессор ЛГПИ им. А.И. Герцена, физиолог С.В. Гальперин, и упивавшийся своим могуществом И.И. Президент и др. За серьезные «ошибки» в физиологии и игнорирование учения Лепешинской критиковали Д.Н. Блохина, Л.Л. Васильева, Д.И. Дейнеку, В.А. Догеля, Д.Н. Насонова, И.Г. Уразова, а они вынуждены были как-то оправдываться, порою отказываясь от собственных научных убеждений. Д.Н. Насонову еще долго припоминали его неискренность в признании достижений О.Б. Лепешинской и верность собственной теории паранекроза. Хотя учение Введенского-Ухтомского было, с некоторыми оговорками, признано павловским, все же досталось основным докладчикам — М.И. Виноградову и особенно Н.В. Голикову, которого обвинили в либерализме по отношению к «противникам» павловского учения⁵. Часть «раскаявшихся» тут же обернулись критиками своих учителей или недавних соратников по

⁵ ЦГАИПД. Ф. 984. Оп. 6. Связка 157. Д. 51. Л. 30.

борьбе с Лепешинской (П.В. Макаров, Б.П. Токин). От факультета требовали также перестройки работы в свете труда И.В. Сталина по языкознанию, лицемерно призывавшего ликвидировать аракчеевский режим во всех отраслях науки. И такие собрания происходили повсеместно.

В то же время необходимо учитывать, что поддержка биологами спускаемых сверху передовых учений нередко носила сугубо внешний, показной характер. Об этом говорят не только воспоминания участников тех событий с их стремлением приукрасить прошлое в пользу вспоминающего, но сохранившиеся стенографические отчеты и протоколы Ученых советов вузов и факультетов и особенно партийных собраний, написанные нередко эзоповым языком.

О реальном восприятии биологами всякого рода «новейших учений» ярко рассказал академик А.Д. Александров, который в 1952–1965 гг. был ректором ЛГУ. Во время официальной встречи с ведущими учеными биолого-почвенного факультета, которых Александров пригласил по поводу приказа министра высшего и среднего образования РСФСР о внедрении учения Лепешинской в учебные планы, не прозвучало никаких возражений. Все согласилось с приказом. Каково же было его удивление, когда спустя пять дней Александров узнал от одного из участников встречи, что *«он считает учение Лепешинской „собачьей чушью“ и не собирается о нем говорить на лекциях. Потом аналогичный разговор был еще с одним участником совещания, и я понял, что почти все профессора факультета не признают мышления Лепешинской, а лишь имитируют свое согласие <...> Хотя мне был преподан урок, что не всегда биологи готовы открыто высказывать и отстаивать свои взгляды, мы познакомились. Вся министерская затея с Лепешинской закончилась ничем: приказ министра попросту не был выполнен. И это не один такой случай, когда мы на министерские приказы не обращали внимания»* [Колчинский 1994: 170].

В какой-то степени аналогичная ситуация складывалась относительно эволюционной теории и генетики. К.М. Завадскому после Августовской сессии ВАСХНИЛ запретили работать со студентами и аспирантами из-за антилысенковских взглядов. Тем не менее, уже с осени 1949 г. он вместо И.И. Презента, который систематически не выполнял учебную нагрузку, путешествуя между Ленинградом и Москвой, читал курсы лекций по дарвинизму для студентов старших курсов биолого-почвенного факультета, а также на философском факультете. Кроме того Завадский вел занятия с аспирантами АН СССР и ВАСХНИЛ, руководил методологическими семинарами в биологических институтах АН СССР и по многочисленным воспоминаниям их участников знакомил их не только с советским творческим дарвинизмом. На биолого-почвенном факультете ЛГУ из месяца в месяц раздавались сетования на игнорирование новейших учений, в то же время положения осужденной генетики излагались в курсах «неразоблаченных» менделистов-морганистов. Например, В.С. Фёдоров читал под видом критики буржуазной генетики полноценный генетический курс с практическими занятиями [Захаров 2013]. Под влиянием экспериментальной работы и статистической обработки ее результатов студенты на практике приходили к выводам, противоположным утверждениям Лысенко, Презента, Лепешинской и им подобных. Осторожную, но явно непролысенковскую политику начал вскоре вести сам декан Н.В. Турбин.

В то же время прямое политико-идеологическое давление на биологию способствовало утверждению научной бюрократии, под контролем которой оказывались каналы связи партийно-государственного руководства и научных учреждений [Балакин 1997: 34]. Партийные идеологи уже не делали различий между научными концепциями и их философскими интерпретациями и брали на себя роль судьи в научных дискуссиях. В каждой отрасли знания планировался свой «Лысенко» как единственный носитель истины [Graham 1987: 17–18]. Лишь военная важность работ по атомной энергетике стала препятствием для проведения уже под-

готовленной сессии с осуждением квантовой физики и теорию относительности, на которой с главным докладом поручили выступать президенту АН СССР С.И. Вавилову [Водичев 2014: 46].

Заключение

Послевоенные события в отечественной биологии в полной мере показали, что организационная модель развития науки, принятая в СССР в предвоенные годы, таит в себе угрозу самой науке. Централизованная и монополизированная система порождала бешеную конкуренцию и беспощадное столкновение научных групп в борьбе за ключевые позиции. Лысенковщина, как и все последующие политические кампании 1940-х гг., была результатом борьбы за власть в науке, в которой почти с неизбежностью терпела поражение сама наука. Последствия оказывались тяжелыми потому, что в системе практически не было «резерваций» для выживания идей и ученых, не согласных с признанными теориями. Система была в существенной степени иерархична, однородна и прозрачна для политического контроля.

Эта охота за «ведьмами» в той или иной степени продолжалась не только после смерти Сталина, но и после того как генетика была официально восстановлена в своих правах. Лысенкоизм не исчез после 1964 г. Его приверженцы оставались руководителями кафедр, в том числе и генетики, в сельскохозяйственных вузах и даже некоторых университетов, а также лабораторий, факультетов и даже целых институтов. И некоторые из них или их учеников до сих пор стремятся как-то оправдать Августовскую сессию ВАСХНИЛ.

Например, Л.А. Животовский высказался так: «...весной 1948 г. ситуация в биологии была прямо противоположна той, что была представлена потом во многих мемуарах и исторических исследованиях противников Т.Д. Лысенко: будто бы последний замыслил уничтожить генетику. Всё было ровно наоборот. А именно, высшие партийные чиновники начали активно поддерживать генетиков в их борьбе против Т.Д. Лысенко» [Животовский 2016: 82]. И далее: «сами генетики в предшествовавшие годы фактически содействовали случившемуся: дискуссия, тянувшаяся два десятка лет, скорее напоминала дуэль, в которой каждая сторона желала гибели другой и в которой каждая из сторон старалась заручиться поддержкой государства в лице соответствующих официальных органов в надежде, что именно она-то и будет поддержана» [там же: 84]. Впрочем, идею о том, что Лысенко не нападал, а защищался, впервые высказал Кременцов [Krementsov 1997]. Однако, если Кременцов воздержался от вывода о невиновности Лысенко во всех последующих событиях то Животовский пошел дальше и старается представить Лысенко великим ученым и безвинной жертвой злобных генетиков.

Один из учеников Т.Д. Лысенко П.В. Кононков выпустил книгу «Два мира — две идеологии: О положении в биологических и сельскохозяйственных науках в России в советский и постсоветский период» [Кононков 2014]. В ней он пытается разоблачить незаслуженно воспетых, как он считает, представителей «классической генетики» — Н.И. Вавилова, Н.К. Кольцова, их соратников и учеников, — и вновь возвести на пьедестал их научного противника и гонителя Лысенко. Стилистические средства и обороты речи, которые использует при этом автор, заставляют вспомнить Августовскую сессию ВАСХНИЛ и годы расцвета борьбы с «продажной девкой империализма буржуазной наукой генетикой», времена гонений «зарубежной науки» просто за то, что она «зарубежная». Само название книги является аллюзией к докладу Лысенко «О положении в биологической науке», один из разделов которого назывался «Два мира — две идеологии в биологии».

В числе причин сегодняшнего расцвета интереса ко временам лысенкоизма и личности Т.Д. Лысенко множество факторов. Тут и общее положение науки, и падение уровня образо-

вания, и реклама псевдонауки в средствах массовой информации, и восприимчивость властных кругов к паранаучным проектам. Не следует списывать со счетов и имеющуюся у некоторых людей ностальгию по сталинизму и жажду «твердой руки» [Kolchinsky 2014, 2017; Колчинский 2015а, 2015в; Ермолаев 2016; Kolchinsky et al. 2017].

Кроме того, в дискредитации научного наследия Вавилова заинтересованы круги, нацеливавшиеся на приватизацию собственности РАСХН [Колчинский 2015б]. Об этом свидетельствует совпадение по времени антивавиловской кампании с провалом попыток высокопоставленных чиновников, включая М.М. Касьянова, захватить историческое здание ВИР с переводом коллекции Вавилова в Шушары, в непригодное для этого помещение. Вдвое сократилось количество опытных станций ВИР, продолжается изнурительная борьба за сохранение 91 га Павловской опытной станции, поля которой Федеральное агентство по управлению государственным имуществом Минэкономразвития планирует передать Фонду развития жилищного строительства для возведения коттеджей. При таких планах, сулящих сотни миллионов прибыли, не до забот о сохранении научного наследия Вавилова, коллекция которого оценена всего в какие-то 8 триллионов долларов. По данным Счетной палаты к 2013 г. у РАСХН было изъято более 16 тыс. га сельскохозяйственных угодий, еще около 600 000 находилось на разных стадиях отчуждения.

Таким образом, пока одни переписчики трагических страниц отечественной биологии, связанных с Августовской сессией ВАСХНИЛ, цинично отрабатывают социальный заказ, другие заявляют о «великой сталинской науке», загубленной либеральными реформаторам, и уверяют, что «суверенной демократии» нужна «суверенная наука», а третьи бездумно «пиарятся», демонстрируя независимость от общепринятых оценок и «оригинальность» мышления.

Проблема эта не только российская. Ее обсуждение приобрело международное звучание. За последние годы прошли несколько симпозиумов по лысенкоизму в Нью-Йорке (2009), Токио (2012), Вене (2012), Праге (2014, 2016), «Рио де Жанейро» (2017). Как в прежние времена им уделяют внимание отечественные и зарубежные средства массовой информации, публикуются монографии [Fujioka Tsuyoshi 2010; DeJong-Lambert 2012; Graham 2016 и др.]. Только в прошлом году таких книг было издано по крайней мере было четыре [The Lysenko Controversy... 2017; Глазко 2017; Гончаров 2017; Резник 2017 и др.]. Печальная история Августовской сессии ВАСХНИЛ до сих пор свидетельствует о том, как важно для науки быть независимой от власти, особенно авторитарной.

Александров В.Я. 1992. *Трудные годы советской биологии: Записки современника*. — СПб.: Наука.

Балакин В.С. 1997. *Отечественная наука в 50-е — середине 70-х гг. XX в. (Опыт изучения социокультурных проблем)*. — Челябинск: Изд-во Челяб. гос. техн. ун-та.

Барабанщиков Б.И., Ермолаев А.И. 2011. Казанский университет в период лысенковщины — *Историко-биологические исследования*. — № 2. — С. 54–65.

Берг Р. 2003. *Суховой: Воспоминания генетика*. — 2-е изд., доп. — М.: Памятники исторической мысли.

Вавилова В.В. (сост.) 2016. *Сергей Иванович Вавилов. Дневники. 1909–1951/* Ред. В.М. Орёл и Ю.И. Кривоносов. — Кн. 2. — М.: Наука.

Артизов А., Наумов О. (сост.) 1999. *Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б), ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике. 1917–1953*. — М.: Демократия.

Водичев Е.Г. 2014. Советская научная политика в период «позднего сталинизма» (вторая половина 1940-х – начала 1950-х гг.): маркеры и метаморфозы. — *Вестник Томского государственного университета. Сер. История.* — № 2 (28). — С. 41–53.

Гайсинович А.Е. 1988. *Зарождение и развитие генетики.* — М.: Наука.

Гайсинович А.Е., Музрукова Е.Б. 1991. «Учение» О.Б. Лепешинской о «живом веществе». — *Репрессированная наука.* — Отв. ред. М.Г. Ярошевский. — Л.: Наука. — С. 71–90.

Гельтман Д.В. 2015. Ботанический институт им. В.Л. Комарова и Всесоюзное ботаническое общество в борьбе за научную биологию в СССР. — *История ботаники в России. Сб. статей участников междунауч. конф.* Т. 1. — Тольятти: Кассандра. — С. 108–115.

Глазко В.И. 2017. *Николай Вавилов... жизнь как служение Родине. 1935–1939.* — Москва: Курс. — Т. 1.

Гончаров Н.П. 2017. *Николай Иванович Вавилов.* — М.; Новосибирск: Гео.

Гончаров Н.П., Савельев Н.И. 2015. К 160-летию со дня рождения Ивана Владимировича Мичурина. — *Вавиловский журнал генетики и селекции.* — № 3. — С. 339–358.

Дружинин П.А. 2017. Последствия сессии ВАСХНИЛ для филологической науки (Секретная докладная записка ленинградских лингвистов в ЦК ВКП(б)). — *Литературный факт.* — № 3. — С. 307–354.

Ермолаев А.И. 2016. Вавиловские чтения и Вавиловский семинар как арена борьбы с неолысенкоизмом — *Историко-биологические исследования.* — № 1. — С. 148–155.

Ермолаев А.И. 2017. Этапы становления и развития генетики в Казанском университете. — *Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Естеств. науки.* — Т. 159. — Кн. 2. — С. 179–205.

Есаков В.Д. (сост.) 2000. *Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС: 1922–1952.* — М.: РОССПЭН.

Жебрак Э.А., Солнцева М.П. 2012–2013. Судилище. Материалы и воспоминания о подготовке «суда чести» над академиком А.Р. Жебраком в 1947 г. — *Историко-биологические исследования.* — Т. 4 (2012). № 4. — С. 77–99; Т. 5 (2013). № 1. — С. 63–94.

Животовский Л.А. 2016. *Неизвестный Лысенко.* — 2-е изд. М.: КМК.

Захаров И.А. 2013. Как я стал генетиком. — *Историко-биологические исследования.* — № 1. — С. 110–117.

Зима В.Ф. 1996. *Голод в СССР 1946–1947 годов: Происхождение и последствия.* — М.: ИРАН.

Колчинский Э.И. 1991. Несостоявшийся «союз» философии и биологии (20–30-е гг.). — *Репрессированная наука.* — Отв. ред. М.Г. Ярошевский. — Л.: Наука. — С. 34–70.

Колчинский Э.И. 1994. Взгляд из ректората на биологию в Ленинградском университете (интервью с академиком А.Д. Александровым). — *Репрессированная наука.* — Вып. 2. — Отв. ред. М.Г. Ярошевский. — СПб.: Наука. — С. 169–175.

Колчинский Э.И. (ред.) 2012а. *Создатели современного эволюционного синтеза: Коллективная монография.* — СПб.: Нестор-история.

Колчинский Э.И. 2012б. Культурная революция в СССР (1929–1932) и первые атаки на школу Н.И. Вавилова. — *Вавиловский журнал генетики и селекции.* — Т. 16. — № 3. — С. 502–538.

Колчинский Э.И. 2015а. Н.И. Вавилова распинаят вновь. — *Политическая концептология.* — № 2. — С. 272–281.

Колчинский Э.И. 2015б. Публичный донос как способ «научных дискуссий». — *Политическая концептология.* — № 1. — С. 237–246.

Колчинский Э.И. 2015в. Т.Д. Лысенко как проект наркомзема Я.А. Яковлева. — *Историко-биологические исследования.* — № 2. — С. 81–96.

- Колчинский Э.И. 2017. В бой идут одни старики», или о перспективах возрождения лысенкоизма в России. — *Вопросы истории естествознания и техники*. — № 2. — С. 365–384.
- Кононков П.Ф. 2014. *Два мира — две идеологии: О положении в биологических и сельскохозяйственных науках в России в советский и постсоветский период*. — М.: Луч.
- Кременцов Н.Л. 1991. От сельскохозяйственной науки к ... медицине. — *Репрессированная наука*. — Отв. ред. М.Г. Ярошевский — Л.: Наука. — С. 91–113.
- Кузнецов В.Н., Кузнецова М.Н. 2014. Борьба с генетиками после сессии ВАСХНИЛ 1948 г. в Ульяновском сельхозинституте. — *Любимцевские чтения-2014. Современные проблемы эволюции и экологии. Сб. мат-лов межд. конф.* — Ульяновск: Ульяновский гос. пед. университет. — С. 38–42.
- Кузнецовский В.Д. 2017. «Ленинградское дело». — М.: Издательство ФИВ.
- Лебедев Д.В. 1991. Из воспоминаний антилысенковца с довоенным стажем. — *Репрессированная наука*. — Отв. ред. М.Г. Ярошевский. — Л.: Наука. — С. 264–285.
- Левина Е.С. 1995. *Вавилов, Лысенко, Тимофеев-Ресовский*. — М.: АИРО-XX.
- Лысенко Т.Д. 1937. За дарвинизм в агробиологической науке. — *Спорные вопросы генетики и селекции: Работы IV сес. ВАСХНИЛ, 19–27 дек. 1936 г.* — М. — С. 39–71.
- Лысенко Т. Д. 1939. Выступление на совещании по генетике и селекции. — *Под знаменем марксизма*. — № 11. — С. 146–168.
- Медведев Ж. 2011. Опасная профессия. — *Историко-биологические исследования*. — № 2. — С. 109–123.
- Моисейченко Л.А. 2017. Взаимоотношения власти и интеллигенции в 1946–1953 гг.: региональный аспект. — *Современные тенденции развития науки и технологий*. — № 3–7. — С. 31–35.
- Назаренко В.И. 2006. Августовская (1948 г.) сессия ВАСХНИЛ: ее предыстория и последствия. — *Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий*. — № 10. — С. 12–15; № 11. — С. 13–17.
- О положении в биологической науке... 1948. *О положении в биологической науке: Стенографический отчет сессии ВАСХНИЛ, 1948*. — М.: Огиз–Сельхозгиз.
- Овчинников Н. 2010. *Академик Трофим Денисович Лысенко: Мичуринская биология*. — М.: Луч.
- О состоянии преподавания биологических дисциплин... б/г. *О состоянии преподавания биологических дисциплин в университетах и о мерах по укреплению биологических факультетов квалифицированными кадрами биологов-мичуринцев (приказ министерства высшего образования СССР от 23 августа 1948 г. № 1208*. — Доступно: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4710.htm. — Проверено: 20.07. 2018.
- Расширенное заседание Президиума АН СССР... 1948. *Расширенное заседание Президиума АН СССР 24-26 августа по вопросу о состоянии и задачах биологических наук*. Стенографический отчет. — Доступно: <http://textarchive.ru/c-1860864.html>. — Проверено: 20.07.2018.
- Резник С. 2017. *Эта короткая жизнь. Николай Иванович Вавилов и его время*. — М.: Захаров.
- Россиянов К.О. 1993. Сталин как редактор Лысенко. К предыстории августовской (1948 г.) сессии ВАСХНИЛ. — *Вопросы философии*. — № 2. — С. 56–60.
- Сизов С.Г. 2004. *Региональные органы ВКП(б) – КПСС и интеллигенция Западной Сибири в 1946–1964 гг.* — Дисс. на соискание ученой степени доктора исторических наук. — Омск.

- Сизов С.Г. 2009. Образование, наука, культура (1945-й – март 1953 года). — *Энциклопедия города Омска. В 3 т. Т. 1. Омск от прошлого к настоящему*. — Омск: ЛЕО. — С. 424–439.
- Слепкова Н.В. 2010. Развитие экспозиции Зоологического музея Академии наук в Санкт-Петербурге в XX в. — *Вопросы музеологии*. — № 2. — С. 145–156.
- Сойфер В.Н. 2002. *Власть и наука: Разгром коммунистами генетики в СССР*. — Изд. 4-е, перераб. и доп. — М.: ЧеРо. — 1024 с.
- Соколова Т.И. 2014. О действительной ценности сортов селекции И.В. Мичурина — история преувеличений и недомолвок. — *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Химия, биология. Фармация*. — № 4. — С. 102–107.
- Струнников В.А. 2004. *Шелковый путь*. — М.: Наука. — 276 с.
- Трапезов О.В. 2009. Дарвинизм и уроки российской практической селекции. — *Вестник ВОГиС*. — № 2. — С. 249–297.
- Урожайи и урожайность... б/г. *Урожайи и урожайность зерновых России за 100 лет*. — Доступно: <https://burckina-faso.livejournal.com/973587.htm>. — Проверено: 20.07.2018.
- Урожайность пшеницы... б/г. *Урожайность пшеницы*. — <http://absentru.ru/page/urozhaynost-pshenicy>. — Проверено: 20.07.2018.
- Фандо Р.А. 2002. Полемика о судьбе евгеники (в поэтическом жанре). — *Вопросы истории естествознания и техники*. — № 3. — С. 604–617.
- Фандо Р.А. 2014. Биология в зеркале карикатуры. — *Природа*. — № 7. — С. 87–95.
- Филипчук И.В., Тимкова С.В. 2017. Августовская сессия ВАСХНИЛ (1948 г.) и расправа над генетикой в Горьковской области. — *Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе. Сб. статей участников XIV научно-практ. конф. Выпуск XIII*. — Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ. — С. 179–184.
- Шитов А.К. 2016. Партийные идеологические установки в послевоенный период и преподавание естественнонаучных дисциплин в общеобразовательных школах во второй пол. 40-х – сер. 50-х гг. (на материалах Урала). — *Современные исследования природных и социально-экономических систем. Инновационные процессы и проблемы развития естественнонаучного образования. Материалы Межд. научно-практ. конф.* — Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т. — С. 395–402.
- Ярошевский М.Г. 1991. Сталинизм и судьбы советской науки. — *Репрессированная наука*. — Отв. ред. М.Г. Ярошевский. — Л.: Наука. — С. 9–33.
- Bengtsson B.O., Tunlid A. 2010. The 1948 International Congress of Genetics in Sweden: People and Politics. — *Genetics*. — Vol. 85. — No. 3. — P. 709–715.
- DeJong-Lambert W. 2012. *The Cold War Politics of Genetic Research: An Introduction to the Lysenko Affair*. — New York: Springer.
- Fujioka T. 2010. *Why Lysenkoism appeared? The fruit and the breakdown of dialectical biology*. — Tokyo: Gakujutsushuppanka (In Japan).
- Gordin 2018. Lysenko Unemployed: Soviet Genetics after the Aftermath. — *ISIS*. — Vol. 109. — No. 1. — Pp. 56–78.
- Graham L.R. 1987. *Science and Philosophy in the Soviet Union*. — New York: Columbia univ. press.
- Graham L. 2016. *Lysenko's Chost. Epigenetics and Russia*. — Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press.
- Haeckel E. 1866. *Generelle Morphologie der Organismen. Allgemeine Grundzüge der organischen Formen-Wissenschaft, mechanisch begründet durch die von Charles Darwin reformirte Deszendenz-Theorie. Bd. 2. Allgemeine Entwicklungsgeschichte der Organismen*. — Berlin: Reimer.

Kolchinsky E.I. 2014. Nikolai Vavilov in the years of Stalin's «revolution from above» (1929–1932). — *Centaurus*. — Vol. 56. — No. 4. — P. 330–358.

Kolchinsky E.I. 2017. Current Attempts at Exonerating 'Lysenkoism' and Their Causes. — *The Lysenko Controversy as a Global Phenomenon*. Vol. 2. — Eds. W. DeJong-Lambert, N.L. Krementsov. — Cham: Palgrave Macmillan. — P. 207–236.

Kolchinsky E.I., Kutschera U., Hossfeld U., Levit G.S. 2017. Russia's New Lysenkoism. — *Current Biology* — Vol. 27. — No. 19. — P. R1042–R1047.

Krementsov N.L. 1997. *Stalinist Science*. — Princeton: Princeton University Press. — 371 p.

The Lysenko Controversy... 2017. *The Lysenko Controversy as a Global Phenomenon Genetics and Agriculture in the Soviet Union and Beyond*. — Eds W. DeJong-Lambert and N.L. Krementsov. — Vol. 1–2. — Cham: Palgrave Macmillan.